

Джон Рональд Руэл  
ТОЛКИН

# Роверандом



ИЛЛЮСТРАЦИИ  
ЕВГЕНИЯ  
АНТОНЕНКОВА



Издательство АСТ  
Москва

УДК 821.111-313.2

ББК 84(4Вел)-44

Т 52

**J. R. R. Tolkien**  
**Roverandom**

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited  
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Перевод с английского Натальи Шантырь

**Толкин, Джон Рональд Руэл.**

Т 52 Роверандом / Джон Рональд Руэл Толкин ; ил. Е. Антоненкова. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 144 с.

ISBN 978-5-17-090420-4

Эта удивительная и добрая сказка была написана Дж. Р. Р. Толкином в 1936 году. В ней он рассказывает читателю о маленьком щенке Ровере, который был неосторожен и случайно обидел волшебника. Нет-нет, вовсе не злого волшебника! Просто тот очень обиделся. А ведь все знают, сколько глупостей совершают люди, когда обижаются! И волшебники – не исключение.

С этого всё и началось. Волшебник по имени Артаксеркс превратил Ровера в игрушку.

Что же было дальше? Почему Ровер стал в конце концов Роверандомом? И что происходит на тёмной стороне Луны? И как туда добраться?..

Все эти тайны откроет вам прекрасная и добрая история Дж. Р. Р. Толкина о щенке Роверандоме, который прошёл длинный путь и всё-таки сумел найти свой дом.

УДК 821.111-313.2

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-090420-4

© The J. R.R. Tolkien Copyright Trust, 1998

© Н. Шантырь, перевод

© Е. Антоненков, иллюстрации

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

## Предисловие

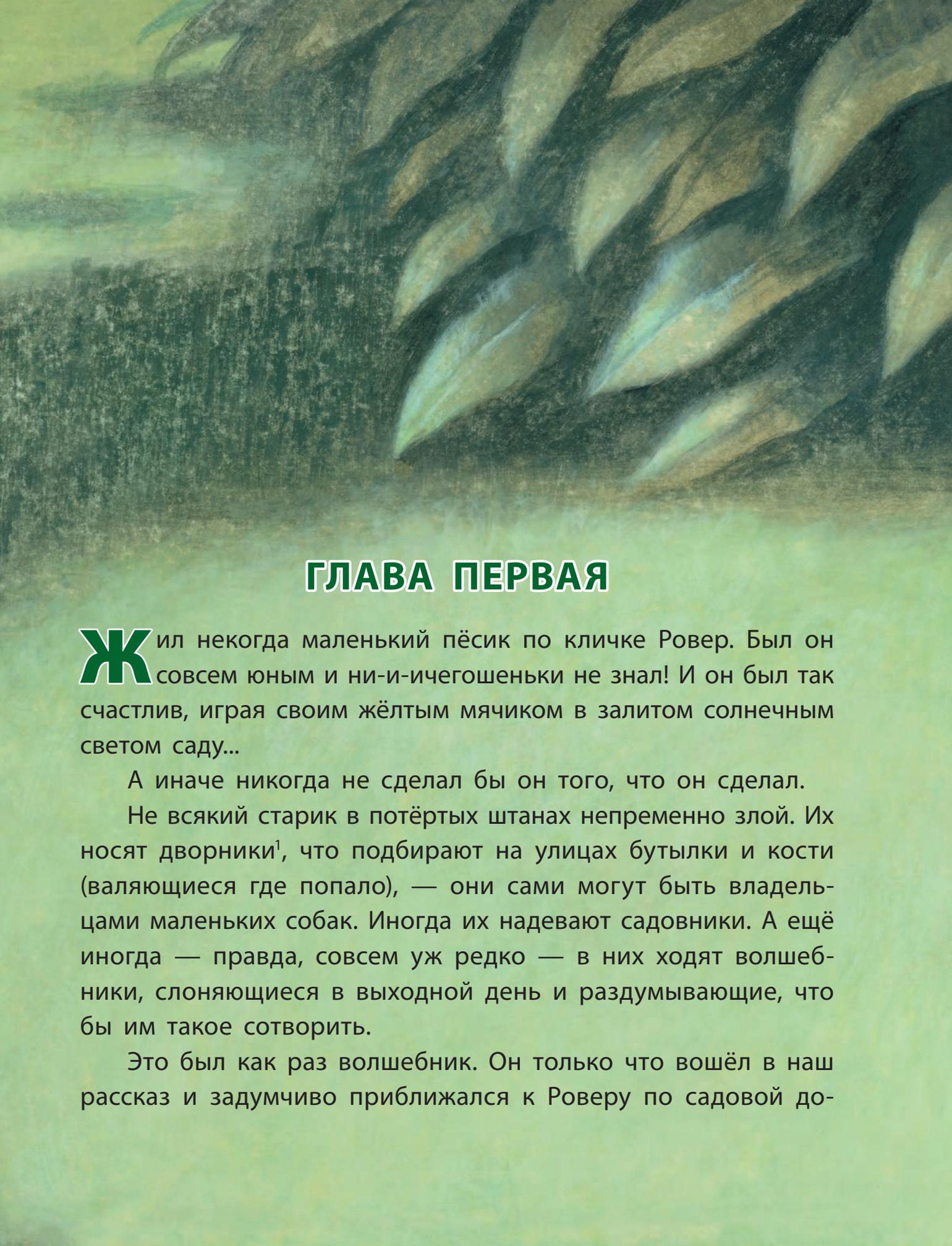
Нашему читателю хорошо известны сочинения Джона Роналда Руэла Толкина «Властелин колец», «Хоббит», «Сильмариллион», «Кузнец из Большого Вуттона» и другие.

Сказку «Роверандом» автор сочинял одновременно с «Хоббитом». Однако она так и не была издана: шумный успех «Хоббита» и интерес читателей к тематике «Хоббитании» направили внимание издателей, да и самого Толкина, по другому, наиважнейшему для писателя руслу.

«Роверандом» — прелестная детская сказка, придуманная автором прежде всего для своих собственных маленьких детей.

Впрочем, Толкин вовсе не считал, что «детская» литература — это какая то специальная литература: упрощенная, «подстраивающаяся» под восприятие ребёнка (каким оно представляется взрослым!). Он полагал, что подлинная детская литература — вневозрастная, что главный критерий здесь — наличие высоких художественных достоинств. В соответствии с этим говорить о «чистоте» жанра, о чисто «детской книге» в отношении «Роверандома» не приходится: фабула, доступная детскому восприятию, насыщена здесь глубочайшим символическим и культурологическим подтекстом — благодаря которому творчество этого мастера любимо огромным количеством серьёзных взрослых людей.





## ГЛАВА ПЕРВАЯ

**Ж**ил некогда маленький пёсик по кличке Ровер. Был он совсем юным и ни-и-ичегошеньки не знал! И он был так счастлив, играя своим жёлтым мячиком в залитом солнечным светом саду...

А иначе никогда не сделал бы он того, что он сделал.

Не всякий старик в потёртых штанах непременно злой. Их носят дворники<sup>1</sup>, что подбирают на улицах бутылки и кости (валяющиеся где попало), — они сами могут быть владельцами маленьких собак. Иногда их надевают садовники. А ещё иногда — правда, совсем уж редко — в них ходят волшебники, слоняющиеся в выходной день и раздумывающие, что бы им такое сотворить.

Это был как раз волшебник. Он только что вошёл в наш рассказ и задумчиво приближался к Роверу по садовой до-

рожке. На плечах его болтался старый лоснящийся пиджак, изо рта свисала старая трубка, а на голове топорщилась старая зелёная шляпа. И не будь Ровер столь занят облаиванием мячика, вероятно, заметил бы он торчавшее позади из шляпы синее перо<sup>2</sup>; и тогда, возможно, заподозрил бы он, что перед ним волшебник, — как заподозрила бы это любая другая тонко чувствующая маленькая собака. Но он перьев вообще никогда не видел.

Когда старик наклонился и поднял мяч (он в тот момент подумал: а не превратить ли его в апельсин? или в косточку? или в кусочек мяса?), пёс заворчал и сказал:

— Положи на место! (Без «пожалуйста».)

Разумеется, волшебник, будучи волшебником, прекрасно его понял и ответил в том же духе:

— Ну-ка, тихо, дурень! (Тоже без «пожалуйста».)

И затем он положил мячик в карман — просто чтобы слегка подразнить пса — и отвернулся.

Мне ужасно неловко, но я вынужден сказать, что Ровер немедленно вцепился ему в брюки и выдрал из них приличный клочок. Не исключаю, что он мог выдрать клочок и из волшебника. Потому что тот внезапно снова обернулся, очень рассерженный, и крикнул:

— Идиот! Убирайся! И стань игрушкой!

Странные вещи начали происходить вслед за тем.

Ровер был собачкой очень маленькой, но тут он вдруг почувствовал, что стал ещё гораздо меньше. Трава чудовищно выросла и колыхалась где-то в вышине над его головой. И там, далеко-далеко, словно сквозь верхушки деревьев, уви-

дел он гигантский, подобный солнцу, жёлтый шар, стремительно падающий на землю.

Он слышал, как защелкнулись ворота за уходящим, но увидеть его не смог. Попытался залаять, но издал лишь едва слышный писк, чересчур слабый, чтобы люди обратили внимание. Я думаю, на него не обратила бы внимания даже собака.

Он стал таким крошечным, что, я уверен, если бы в тот момент мимо проходила кошка, она приняла бы Ровера за мышь и съела бы его. Тинкер бы съел. (Тинкером звали большого чёрного кота, жившего в том же доме.)

При мысли о Тинкере Ровер перепугался не на шутку. Однако кошки тут же улетучились у него из головы, потому что сад, окружавший его, внезапно исчез, и он почувствовал, что его подхватывает порывом ветра и уносит куда-то. Когда же вихрь наконец стих, пёс обнаружил, что лежит в темноте, зажатый среди каких-то тяжёлых предметов. Так он и лежал — судя по его ощущениям, в душной коробке — очень долго и неудобно. Ему ужасно хотелось есть и пить, но это было ещё не самое худшее: он понял, что не может двигаться.

Вначале пёсик подумал, что не в состоянии двигаться, потому что плотно запакован, однако позже он сделал жуткое открытие: он вообще не мог шевелиться в дневное время. Вернее, мог, но с невероятным усилием, и только когда никто этого не видел. И лишь после полуночи на короткое время получал он возможность передвигаться<sup>3</sup> и слегка вилять одеревенелым хвостом.

Он стал игрушкой. И из-за того, что вовремя не сказал «пожалуйста», теперь всё время должен был сидеть на задних лапах и «служить», словно выпрашивая подачку.

Такую позу придал ему волшебник.

\* \* \*

По прошествии времени, показавшегося ему очень долгим и мрачным, Ровер вновь попытался залаять — громко, чтобы услышали люди. Затем он попробовал укусить какую-нибудь из вещей в коробке — а там были глупые маленькие игрушечные зверушки; действительно игрушечные, из дерева и олова, а вовсе не такие заколдованные живые собачки, как Ровер... Тщетно: он не мог ни лаять, ни кусаться.

Но вот кто-то подошёл и снял с коробки крышку, впус- тив в неё свет.

— Нам бы стоило утром выставить кое-каких зверей в витрину, Гарри, — произнес голос, и в коробку просунулась рука.

— А это что?.. — Рука ухватила Ровера. — Не помню, что- бы видел её прежде. Откуда она в трёхпенсовой коробке?.. Нет, ты когда-нибудь видел столь правдоподобную игрушку? Посмотри-ка на шерсть и глаза!

— Проставь на ней шесть пенсов, — сказал Гарри, — и помести на самом видном месте в витрине.

И вот там, в витрине, на самом солнцепеке бедный маленький Ровер должен был находиться всё утро, весь день, почти до самого ужина; и всё это время он был вынужден сидеть на задних лапах и делать вид, что заискивающе просит, хотя в действительности был очень зол.

— Я убегу от первых же людей, которые меня купят, — сообщил он другим игрушкам. — Я не игрушка и ни за что игрушкой не буду. Я — настоящий. Скорей бы уж меня купили...

Ненавижу этот магазин — не торчать же мне всю жизнь в витрине!

— Зачем тебе двигаться? — удивились другие игрушки. — Мы же не двигаемся! Гораздо спокойней стоять просто так, не думая ни о чем. Дольше отдыхаешь — дольше живешь. Так что помолчи, твоя болтовня мешает нам спать, а ведь впереди у некоторых из нас далеко не радужная перспектива...

Больше они разговаривать не хотели, и бедному Роверу сделалось совсем одиноко. И был он очень несчастен и очень раскаивался в том, что порвал брюки волшебнику.

Не могу сказать, имел ли к этому отношение волшебник, но женщина вошла в магазин именно в тот момент, когда Ровер чувствовал себя таким несчастным. Она увидела его в витрине и подумала, что эта прелестная маленькая собачка ужасно понравилась бы её мальчику. У неё было трое сыновей<sup>4</sup>, и один из них, средний, чрезвычайно увлекался коллекционированием собачек; особенно ему нравились маленькие чёрно-белые. Итак, она купила Ровера, и тот был завернут в бумагу и положен в корзину для покупок среди прочих вещей, купленных ею к чаю.

Вскоре Роверу удалось высвободить из бумаги голову. Пёс чувствовал, что один из бумажных пакетов пахнет кексом, но обнаружил, что не может до него дотянуться, и от досады зарычал еле слышным игрушечным рыком. Одни лишь криветки услышали его и спросили, в чём дело. Он рассказал им всё, ожидая, что они будут очень ему сочувствовать, но они сказали только:

— А как бы тебе понравилось, если бы тебя сварили? Тебя варили когда-нибудь?

— Нет, насколько я помню, меня никогда не варили, — отвечал Ровер, — хотя меня время от времени купали, и это не очень приятно. Но я полагаю, что быть сваренным и вполтину не так ужасно, как быть заколдованным.

— Тогда тебя точно никогда не варили, — сказали они. — Это самое худшее, что только может случиться с кем бы то ни было. Мы краснеем от ужаса при одной лишь мысли об этом.

Ровер почувствовал себя уязвлённым и потому заявил:

— Ну и ладно, всё равно вас скоро съедят, а я буду сидеть и смотреть.

После этого креветкам нечего было сказать ему, и, предоставленный сам себе, он мог сколько угодно лежать и строить предположения, что за люди купили его.

Он вскоре узнал это. Его принесли в дом; корзину поставили на стол и вынули из неё все пакеты. Креветок сразу унесли в кладовку, Ровера же передали маленькому мальчику, для которого он был куплен. Тот понёс его в детскую и стал с ним разговаривать.

Если бы пёс не был так сердит и слушал, что говорит ему мальчик, тот бы ему непременно понравился. Ведь мальчик лаял на самом лучшем собачьем языке, какой только ему был доступен<sup>5</sup>, и знал он этот язык совсем не так плохо. Однако Ровер даже не пытался ответить. Он всё думал о своей клятве убежать от первых же людей, которые его купят, и о том, как бы ему это сделать. И всё время, пока мальчик поглаживал его и двигал по столу и по полу, он был вынужден сидеть на задних лапах и «служить».

Но вот наконец настала ночь, и мальчика отправили спать. Ровера, вынужденного всё так же «служить», покуда тьма не сгустилась полностью, поставили на стул около кровати<sup>6</sup>. Занавески плотно задвинули. А снаружи луна поднялась из моря и положила на воду свою серебряную дорожку, по которой можно дойти до края мира и дальше — разумеется, тому, кто умеет по ней ходить<sup>7</sup>.

Отец, мать и трое сыновей жили у самого берега моря в белом доме, глядящем окнами поверх волн напрямиком в никуда.

\* \* \*

Когда мальчики затихли, Ровер распрямил свои усталые негнущиеся лапы и подал голос — столь тихо, что не услышал никто, кроме старого безобразного паука в углу на потолке. Затем он спрыгнул со стула на кровать, а с кровати скатился на ковёр и бросился вон из комнаты, вниз по ступеням, через весь дом...

Поскольку прежде он был живым, то умел бегать и прыгать намного лучше, нежели большинство игрушек ночью. Тем не менее путешествовать в таком виде оказалось ужасающе сложно и опасно: при его нынешнем росте спускаться по лестнице было равносильно тому, чтобы прыгать со стен, а уж забираться обратно...

И всё напрасно. Разумеется, обе двери были заперты. И не было ни щели, ни дыры, в которую он мог бы пролезть.

Так бедный Ровер и не сумел убежать в ту ночь. Утро застало нашего усталого маленького пёсика сидящим на задних

лапках и делающим вид, что «просит», на том самом месте около кровати, откуда он начал свой побег.

\* \* \*

Обычно, когда выдавалось ясное утро, два старших мальчика любили, встав спозаранок, носиться до завтрака вдоль берега по песку. В тот раз, проснувшись и раздвинув занавески, они увидели солнце, выпрыгивающее из моря: всё огненно-красное, с облаками на макушке, оно как будто приняло холодную ванну и теперь вытиралось полотенцем. Мальчики быстренько вскочили, оделись и стремглав помчались гулять — вниз, с обрыва, на пляж, — и Ровер был с ними.

Когда мальчик, которому принадлежал Ровер, уже выбежал из спальни, взгляд его упал на комод, куда он, умываясь, поставил пёсика.

— Он просится гулять! — сказал мальчик и положил Ровера в карман брюк.

Но Ровер вовсе не просился «гулять», и уж определённо не в кармане брюк. Он хотел отдохнуть и набраться сил, чтобы подготовиться к следующей ночи, думая, что уж в этот-то раз он непременно найдет выход и убежит, и будет бежать всё дальше и дальше, пока не придет к своему дому, и саду, и жёлтому мячику на лужайке. У него было странное убеждение, что, если бы он только смог вернуться обратно на лужайку, всё встало бы на свои места, чары развеялись — или, возможно, он бы проснулся и обнаружил, что всё это было сном.

Итак, в то время как мальчики скатывались по каменистой тропе и носились по песку, пёс пытался лаять и бороться,

извиваясь в кармане. Можете себе представить, каково ему было, — ведь он едва мог пошевелиться!

И всё же он делал, что мог, и удача улыбнулась ему. В кармане лежал носовой платок, смятый и скомканный, и, карабкаясь по нему, Ровер умудрился высунуть наружу нос и принюхаться.

То, что он учуял и увидел, чрезвычайно удивило его. Он никогда прежде не видел моря и не знал его запаха, ведь деревушку, где он родился, отделяли от шума и запаха моря сотни и сотни миль...

И тут внезапно — именно в тот момент, когда он высунулся, — над самыми головами мальчиков пронеслась гигантская серо-белая птица, издающая звуки, которые могла бы издавать огромная крылатая кошка. Ровер так перепугался, что вывалился из кармана на мягкий песок.

И никто этого не услышал. Гигантская птица улетела, не обратив на его жалкий лай никакого внимания, а мальчики все бежали дальше и дальше по песку, совершенно не думая о нём...

\* \* \*

Поначалу Ровер был чрезвычайно доволен собой.

— Я убежал! Я убежал! — лаял он своим игрушечным лаем, который могли бы услышать разве что другие игрушки, а их там не было.

Потом он перекатился на бок и растянулся на чистом сухом песке, всё ещё отдающем прохладой звёздной ночи.

Однако, когда мальчики исчезли вдали, спеша домой, и никто его так и не заметил, и он остался совсем-совсем

